

ПОСТИЖЕНИЕ ИСТИНЫ

Сейчас Башкирский академический театр драмы им. М. Гафури достиг признания не только в республике, но и за ее пределами. И в этом, безусловно, огромная заслуга и его бессменного главного художника Галии Шакировны Имашевой, первой женщины, ставшей профессиональным художником в Башкирии.

Театр и Имашева — их невозможно развести. Театр — это ее судьба, жизнь, ее боль, обретение, победа над собой... Творческая жизнь народного художника РСФСР Галии Шакировны Имашевой в искусстве — 45 лет непрерывной работы в Башкирском академическом театре драмы им. М. Гафури. Это оформление праздничных концертов, эскизы костюмов для Башкирского государственного ансамбля народного танца, это 200 постановок в театре: произведения русской и зарубежной классики, пьесы башкирских и татарских драматургов — Мажита Гафури, Мирхайдары Файзи, Мустая Карима, Асхата Мирзагитова, Ибрагима Абдуллина...

Галия Имашева выросла в семье школьного учителя. Рисовала с детских лет. И отец, человек от природы очень музыкальный, неравнодушный к прекрасному, всячески поддерживал увлечение дочери. Вдвоем они любили бродить по лесу, что был неподалеку от дома, и дочь с упоением слушала рассказы о природе родного края.

Училась она в Уфимском техникуме искусств у прекрасных педагогов, основоположников башкирского изобразительного искусства — Касима Салиаскаровича Давлеткильдеева и Александра Эрастовича Тюлькина.

После окончания техникума поступает работать в Художественный музей экскурсоводом. С каким трепетом простаивала она перед картинами Нестерова, Шишкина, Левитана... Директор музея предложил ей поехать учиться на искусствоведа. А вдруг поехала бы?! Нет, не знал директор, что она еще со студенческих лет была очарована театром. И когда в 1934 году ей предложили поехать художником в только что созданный Сибайский колхозно-совхозный

театр в Баймаке, она, не раздумывая, согласилась. В 1936 году Галия Имашева стала художником Башкирского академического театра.

Годы приносили опыт, серьезное отношение к своему искусству и тот самый большой смысл жизни — постижение истины, восхождение от простого к сложному. А в основе лежали труд и талант. Талант не только художника — талант человека. В театре знают ее способность быть резонной, ее дар успокоить, вернуть понимание труда и его цены. И, главное, она остается всегда самой собой — и в жизни, и в искусстве.

А ведь шла она дорогой, по которой никто до нее не ходил. Наделенная богатой фантазией и исключительным колористическим даром, Имашева работала так, что каждый спектакль становился событием.

В творчестве каждого художника бывают произведения не просто дорогие сердцу, но и значительные, этапные. Одной из таких работ Имашевой является оформление спектакля «В ночь лунного затмения» по трагедии Мустая Карима.

Горячие цвета — от черно-коричневого до оранжево-красного, зеленого были созвучны накалу человеческих страстей. Особенно эмоциональна декорация второ-

го акта. Прутья юрты, с сорванной кошмой, превращаются в клетку, в которой, не найдя выхода, бьется Танкабика. А молодые, изгнанные за свою любовь, чистоту помыслов, уходят в степь на съедение шакалам и... вдруг лунная дорожка, ответ от затмения, луч света — символ победы прекрасного, возвышенного среди темного неба. Двое идут в бессмертие.

В 1965 году Галия Шакировна Имашева в числе создателей спектакля была удостоена звания лауреата Государственной премии РСФСР имени К. С. Станиславского.

Из рассказа народного поэта Башкирии, Героя Социалистического Труда Мустая Карима:

«По-моему, есть два типа театральных художников: одни в оформлении спектакля исходят из своего представления о пьесе, другие — из сути самого драматического произведения. Галию Шакировну Имашеву я отношу именно к тем театральным художникам, которые умеют выныкнуть в суть произведения».

Когда смотришь ее декорации, удивляешься тщательному, добросовестному изучению текста. Она сначала усваивает текст и создает свою концепцию сценического воплощения спектакля, отталкиваясь от идейно-

художественной ткани драматургического произведения.

Мне близка ее манера работы своей подлинностью, искренностью. Она не боится подробностей, деталей в оформлении. Подробность для нее есть не частность, а способ мыслить обобщенно.

Имашева своим искусством не отвергает драматургию, а как бы соперничает с драматургом языком пластики во имя утверждения его позиций, мыслей.

Что мне нравится в ее сценографии? Раскованность. Во время постановок моих пьес «В ночь лунного затмения», «Страна Айгуль», «Салават» я ощутил, как художник может работать с автором произведения.

Она всегда талантливо находит единое образное решение спектакля, не нарушая его содержания».

Имашева трезво, с суровой самокритичностью оценивает свои возможности — ей меньше всего свойственна самонадеянность. И она, опытный мастер, в работе над каждой новой вещью ищет свои грани, формы.

Над новой трагедией Мустая Карима «Салават» она работает с подъемом и воодушевлением. Но работа не принесла ей удовлетворения, несмотря на теплый прием зрителей и добрые отзывы критики.

И перед московскими гастроллями 1974 года срочный заказ: новое оформление «Салавата» для показа на сцене театра им. М. Н. Ермоловой. Срок крайне сжатый — месяц. Месяц — на раздумья, осмысление, поиски, разработку новых эскизов. Хотелось найти единое пластическое решение спектакля о славном сыне башкирского народа, чтобы оно прозвучало правдиво и сильно, без фальши, по-человечески тепло.

Галия Шакировна приехала в Москву раньше всех. Очень волновалась. Прежде всего за премьеру «Салавата». ...Свет погас, раскрылся занавес, и перед зрителями в стремительном, безудержном беге предстали имашевские кони. Зал разразился овациями. Выразительный супер-занавес символизировал образ стихии в народном движении, волнующий духа башкирского народа, его отваги. Имашева отказалась в декорациях от ярких красок, углубляя тем самым высокий эмоциональный строй трагедии.

Через год состоялась еще одна премьера, оставившая след в истории советской башкирской сценографии.

К 30-летию Победы над фашистской Германией была осуществлена постановка спектакля «Матери ждут сыновей» по пьесе А. Мирзагитова.

Галия Шакировна ознакомилась с пьесой и задумалась. Сталинград 1943 года... «Буквально на второй день после вступления в ряды КПСС мне сказали, что я еду в составе агитбригады на фронт. Как сейчас помню эти морозные дни, наш вагон, потом весь изрешеченный пулями», — рассказывает художница.

За два месяца на фронте она успела сделать наброски разрушенного города, бойцов.

С большой ответственностью художница принялась за работу о войне. Ей импонировали смелые бескомпромиссные поиски режиссера Рифката Ибрафилова, чье детство тоже опалила война — погиб отец. Художник и режиссер с полуслова понимали друг друга.

На планшете три холма — братские могилы, три бере-

зы — образы матерей, терпеливо ожидающих своих сыновей. А молодые березки с маленькими звездочками на концах, летящие куда-то вдаль, — это островки человеческой памяти, это молодые солдаты, ушедшие в вечность. Сценическая площадка свободна от излишних деталей, присутствует лишь эмоционально-обобщенный фон, идущий от настроения матерей.

Художественное решение органично вытекало из стилистики спектакля. Имашева скупыми средствами сумела показать материнскую скорбь, по своему звучанию высокую — ведь близкие погибли ради жизни на земле, ради живых, которым предстоит строить будущее, потому и цвет спектакля был светлый.

В работе над чеховским «Ивановым» перед художницей стояла задача — не повториться, уйти от сложившихся представлений о пьесе, поставленной ведущими театрами Москвы, Риги, Ленинграда. Пишется много вариантов, и вот, кажется, то, что нужно. Высохшие стволы с переплетениями сухих веток похожи на совиные гнезда. Тусклый свет фонарей усиливал запустение парка, вызывая ассоциацию разрушения человеческой личности. Получалось, вещи вслед за героями пережили самих себя, опустошились, из живых превратились в прах.

На Всесоюзной выставке художников театра и кино в Москве в 1979 году зритель увидел эскизы декораций к «Иванову» в интерпретации Д. Боровского, М.-А. Кюлы, В. Сербовского, Г. Имашевой. «Это были совершенно различные осмысления классики, разработка новых заложённых в ней пластов», — отметит потом в обзорной статье о выставке доктор искусствоведения М. Пожарская.

Новым шагом в творчестве Имашевой является и сценография спектакля «Нэркэс» по трагедии И. Юмагулова. Этот спектакль она оформляла дважды с перерывом в 12 лет — 1967 г., 1979 г.

Из рассказа заслуженной артистки РСФСР Гюлии Мубаржиковой:

«Галия Шакировна — художник с волевым началом. Работая над образом Альмиры в трагедии «Магомет» Вольтера, я долго не могла найти пластинку. И как-то, рассматривая эскизы деко-

раций, костюмов к спектаклю, увидела свой образ».

В раскрытии характера моей героини Зумрат в «Нэркэс» я исходила именно из сценографического решения Имашевой — играла открыто, беспощадно. Во время последних московских гастролей зритель принял мою игру.

Галия Шакировна умеет помогать актерам своим искусством, своей искренностью. Встретившись с ней взглядом в дни премьеры, когда волнуешься, словно обретаешь себя».

Из рассказа заслуженного деятеля искусств БАСССР, лауреата Государственной премии Башкирской АССР им. С. Юлаева Рифката Ибрафилова:

«Наши совместные постановки с Галией Шакировой немногочисленны — это «Галиябану», «Матери ждут сыновей», «У соседей гости». Она в постоянном творческом поиске, и поэтому работать с ней легко. Начиная новую постановку, я сначала излагаю ей свое видение спектакля, но оговариваюсь — она должна искать свой вариант решения образа спектакля. Потом эскизы просматриваем и отбираем лучшие».

Она хорошо понимает национальную драматургию и помнит: подлинное искусство глубоко национально.

В эскизах, сценическом воплощении Имашевой — возьмем и «Ночь лунного затмения», и «Салават», и «Матери ждут сыновей», и многие другие спектакли — «выстраивается» история народа, его сложный и трудный путь к современной советской Башкирии».

«Кукуриси!» — это «японское» слово придумано Александром Павловичем Васильевым, академиком, художником, духовным учителем Галии Шакировны Имашевой, и означает оно «меняйся!»

В своем искусстве театрального художника Галия Шакировна следует именно этому принципу — обновляться. И, работая над каждым спектаклем, знает — надо дарить людям красоту и новое постижение истины, утверждая своим искусством правду жизни.

Л. ГАЛЛЯМОВА.

НА СНИМКЕ: Г. Ш. Имашева среди посетителей выставки ее работ в дни гастролей театра в Ленинграде.

Фото Р. КУДОЯРОВА.

